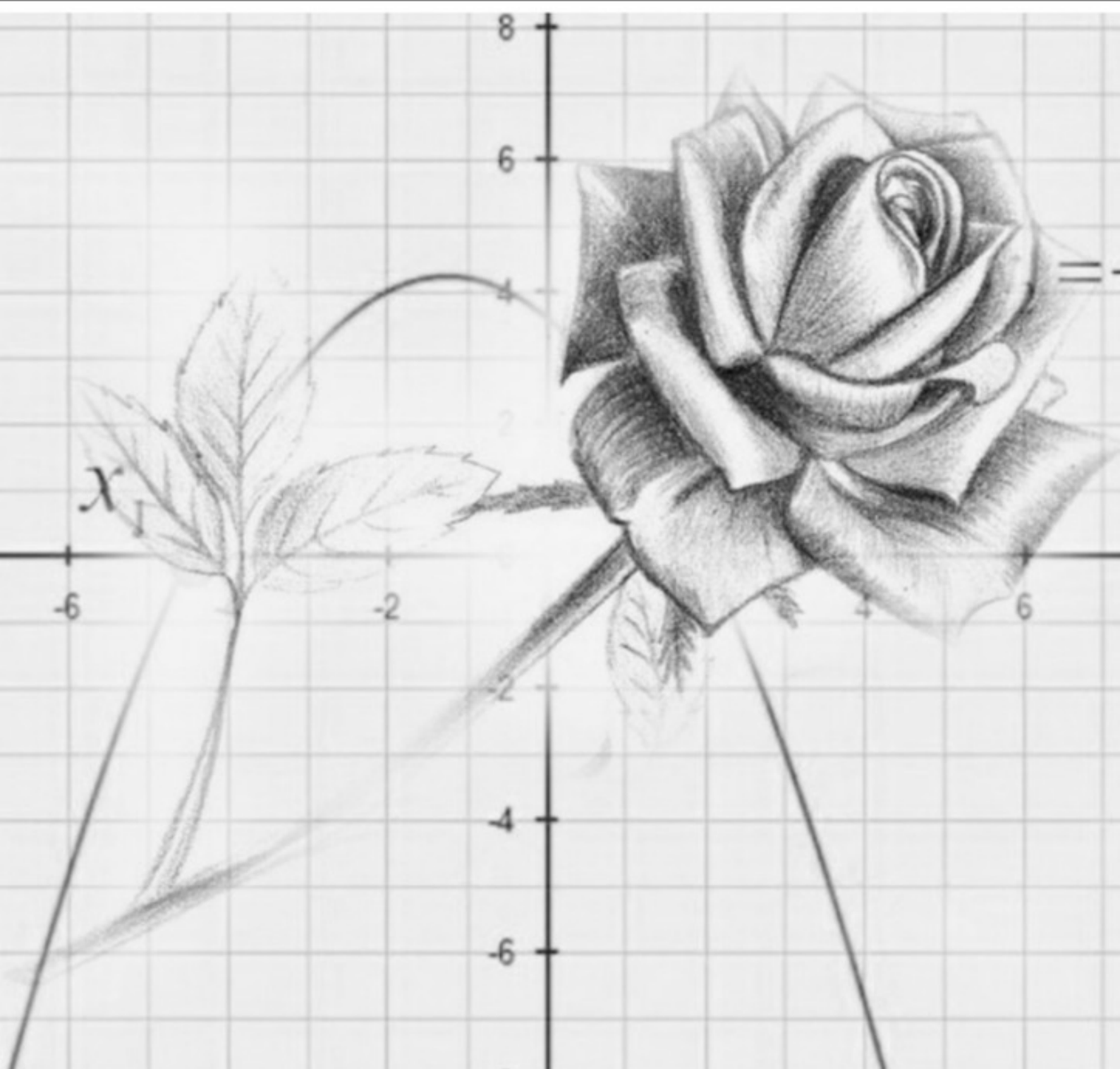

ЮЛИЯ ФЕДИНА

Меньше максимума

Юлия Федина

Меньше максимума

«Издательские решения»

Федина Ю.

Меньше максимума / Ю. Федина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504610-9

Максимальное действие, доступное человеку, это рождение. Или смерть. Всё остальное лежит ниже заветной оси координат. Поэтому моё маленькое исследование нелинейной зависимости страстей, надежд, отчаянья от взгляда, вздоха, прикосновения называется «Меньше максимума». Это антология не фактов, но эмоций, язык которых является всеобщим и неотменимым.

ISBN 978-5-00-504610-9

© Федина Ю.

© Издательские решения

Меньше максимума

Юлия Федина

© Юлия Федина, 2019

ISBN 978-5-0050-4610-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь происходит каждый миг,
Почти что как на самом деле.
Но ты улавливаешь сдвиг
И лёгкий дух сарсапарели.
Стараясь разделить слои
Ты теребишь края. И что же?
Вода по-прежнему рябит,
Волнами упираясь в кожу,
И тело требует: «Вдохни!
Оставь невысказанность знакам!»
И ты вздыхаешь: «Да пошли
Все эти фокусы к собакам!»
А жизнь вытягивает нить
Весны почти разоблаченной,
Чтобы опутать и смирить
Тебя и всех других влюбленных.

Тоска надавит тьмою на глаза,
Упрямой пятерней октябрьской ночи.
И в слезы кинуться (терпи, терпи!) нельзя.
Тянись и помни – разом всё не кончить.
А лебедь бьётся. Тьма его, агу!
Куси! Пусть запрокинет голову на спину.
Он издыхает, вздрогнув на лету,
Уродец из автомобильной шины.
Скамейки вывернули губы зло,
Пеньки опор подгнивших враз ощеря.
За ветром дышит тухлое тепло
Полуподвальных темных помещений.
На выстуженных, не своих, ногах
Бежать, сжимая в кулаке перчатку.
Тоска и темень, стая злых собак,
И пьяный куст, пустившийся вприсядку.

Кровь в воде,
Похожая на дым,

Разбегается
По жилам дождевым.
Воскуряется
Воронками ворот,
Сквозь которые
Тихонько
Всё пройдёт.
Всё. Без расшифровок.
Точно, скоро.
По воде
Петляя и кружа.
Растворив в закате
Сонный морок.
Облаками рыхлыми
Дрожа.
Неопределенно.
Неизбежно.
В жажде
Переполнить
И омыть.
Мир растёт,
Касаясь раны нежно.
Кровь в воде,
Как спутанная нить.

Ссохся ил. Скрижали земноводных
Предвещают засуху и зной.
Бродят по воде круги бесплодно,
Ничего не принося с собой.

Опрокинув небо на ресницы
Сухо шелестящих камышей
Август в зыбком мареве двоится,
Осушая жаром пену дней.

И, поверив пьяной пляске пыли
В буйстве исступленного луча,
Яблоки созрели и поплыли
К берегу родимого плеча.

Никто не угадал —
Ни тополь под окном,
Ни провода,
Гудящие под ветром.
Никто не угадал.
И слов горячий ком

Остынет втуне,
Не сойдясь с ответом.
Вопрос не прозвучал.
Напрасно повторять
Изгибы старой
Липовой аллеи,
В надежде уяснить,
Измыслить, осознать
Хоть краешек
Спасительной идеи.
Неверные сияют фонари
В кудрявом облаке
Вполне напрасных листьев.
Моргает свет,
Качается, горит
И исчезает
За стеною истин.

Всё вовремя. Всё запоздало.
И в ледостав, и в ледоход
В хрустальной корке силы мало,
Молитва держит, а не лёд.
С горячим сердцем, торопливо,
Идёшь по мартовской воде
На дальний берег,
Там, где ива
Поклоны отдаёт звезде,
Умноженной на дне промоин,
И травы, космы размотав,
Кольшутся, уж будь спокоен,
И в ледоход, и в ледостав.
Всё неохватно. Всё бесцельно.
Дано, как воздуха глоток.
Идёшь и чувствуешь отдельно
На коже каждый волосок.

Не чуя ног,
Как сорвались с корней,
Несутся в пропасть
Беглые надежды
От сердца вплавь,
Чтоб прозвучать верней,
И расцарапать
Сомкнутые вежды.
Проснись! Гляди!
Тревожный красный цвет

Уже налился
Адски громким звуком.
И вены
Просыпающихся верб
Подыгрывают
Горнам, скрипкам, трубам.
Здесь что угодно
Может быть струной,
И голосом,
Горячим и текучим.
Мы – пленники.
Мы связаны весной
И брошены
На мартовские кручи.

Бесконечная посылка.
Нам ниспослан свет.
Звезды вздрагивают зыбко
И конца им нет.

Отвернешься ли, изверясь,
Пустишься в разврат,
От тоски завоешь зверем,
А они горят.

Возродишься ли, пустыню
Обращая в сад,
Из имён, назвавши имя,
А они горят.

Обольешься хладным потом,
Призванный назад,
Не печалются уходом,
Всё горят, горят.

Разломлено вчера
И смочено в вине,
Завидя корм
Слетелись шумно птицы.
Горюют ли, горя
В свечном огне
Надежды глупые,
Что им вовек не сбыться?
Не сладок мне кагор,
Не утешает хлеб,

И тайн не вышло
Нынче причаститься.
О, Господи!
Как посылаешь снег,
Пошли забвенья
Белую орлицу!
Ни голоса,
Ни разворота плеч,
Ни полной грусти
Безоглядной речи
Не в силах помнить,
Но молю сберечь.
Пусть уцелеет он
В жестокой сечи
Немилосердных,
Равнодушных дней,
Шагающих
По утомленным спинам!
И пусть сияет
Средь других огней
Его огонь и мой наполовину.

Приснились мертвые. Хотят поминовенья.
Хотят побыть еще, пресуществиться в хлеб,
Войти в зрачок неистребимой тенью
Набухших соком марта красных верб.
Три пирога и соль, для тех, кто снится,
Для тех, кто домом выдохнут как дым,
Пускай склюют, акаясь, синицы,
А стыд и горечь нищим подадим.
Настанет время, ангел недомолвок
И нам оставит щель между ресниц,
Залив замки забот кипящим оловом,
И спрятав ключ от них между страниц.

Круги по воде,
Как кривая моих колебаний
Бегут от упавшего
В омут безвременья дня.
До кромки песчаной,
Стрекозых в рогозе сверканий,
Сетей на ветру
И согревшего чайник огня.
Круги по воде,
Там, где пущено слово и дело,

Расходятся вольной волной,
Умножаясь в сто крат,
С другими кругами сойдясь.
Не того ль я хотела,
Роняя как камень себя
В этот маленький ад?

Третий берег —
Берег отражений,
Обломав у кромки
Синий лёд
Приглашает
Побороть неверье,
В хрупкое бессмертие
Зовёт.
Стоит пальцем
Подцепить коросту
Рыхлого, фестончатого
Льда,
И откроется
Глубокий, звонкий
Воздух,
Бросивший туман
На провода.
Третий берег,
Как спина китовья
Медленной дугою
Промелькнёт,
И уйдёт на дно
У изголовья
Мелким шрифтом
Набранных забот.

Окна мерцают.
Немые сирены
Пророчат
Скорый конец
На почти
Почерневшем снегу.
Ложные звезды.
Слепая толпа
Многоточий.
Окна клубятся
И гаснут
На каждом шагу.
Тёмные туши домов

В чешуе окаянной
Тихо плывут
Мне навстречь,
За собой волоча
Полосу света,
Увитую
Надписью бранной,
Окорок битого льда
И замок без ключа.

Два тополя
Ведут меня до дома,
Придерживают
Ласково меня.
Я согласилась
Ими быть ведомой
По краю
Засыпающего дня.
Пусть думают,
Протягивая ветки,
Что вот еще чуть-чуть
И упаду,
Пусть верят,
На ходу сплетая сетки,
Что гонят
Неминуемую беду.
Взбегу я по ступенькам
Торопливо
И дверь обозначу
Горизонт.
Ну, тополя! Спасибо!
И – счастливо!
А солнце дальше
Мирно поплывет.

Я состою из прошлого на треть,
Но чувствую затылком и плечами
Как все мои «взрываться» и «гореть»,
«Хотеть», «искать» истаивают сами,
Столкнувшись с острой точкой бытия,
С той самой настоящей точкой света
В которой пребываем мы, скорбя,
В которой май себя роняет в лето,
В которой каждый выдох, каждый вдох
И каждое душевное движение,

Сопряжено с движеньем рук и ног
И требует прямого продолженья.
Вот – настоящее. Я помещаюсь в нем,
Вся целиком, со всеми «было», «будет».
Вот – настоящее. Мой настоящий дом,
Источник разбегающихся судеб.

В полосе отчуждения
Выстроен скорбный мой дом,
В нём вишнёвые косточки – окна
И листья бессмертника – двери.
Я стою и качаю
Горячую боль языком,
И полынная горечь
Прихлынула к горлу – Не верю!
Ни в молочную строчку
Туманных шаров фонарей,
Ни в дорогу под липами,
Ни в колышание ветра.
Я хочу одного – уходи,
Уходи поскорей!
Нас не выдержит
Ниточка жженная – вера.
На одном волоске
Повисаю над бездной огней
В ожидании —
Может быть, что-то и будет.
Ветер дует.
Как зябко
Наивной надежде моей!
Ветер дует
И губы горячие студит.

Искренность – двойное острие.
Не давая передышки слуху
Выпускаешь ты в полет ее
И она летит ко мне на руку,
С клетотом впивается в висок,
Вдалбливая правду острым клювом.
Искренность, как золотой песок,
Пущенный в работу стеклодувом.
Не проходит, не даёт забыть,
Не стихает и не остывает.
Искренность – сияющая нить,
Без которой счастья не бывает.

Трава=врата
Отворена как рана
Отваром вековечная вина.
Бессмертник говорит:
«Пока не надо. Рано.»
И гнется ивы белая спина.

Приходит яблок срок,
Темнеют их подглазья,
Ложатся тени возле черешка.
И шарит ощупью
В холоднобокой вазе
Заката длиннопалая рука.
Запахло вечностью
Грушовкой и анисом,
И заплясала на краю зрачка
Взлетая кверху
И ныряя книзу
Заката длиннопалая рука.
И если ливень,
Не жалея, вычесть,
Прольется тишина
Как из ведра.
На переулки,
Что стоят набычась,
Нисходит яблок
Первая пора.

Как настоящий ключ
К поддельному замку
Не подхожу ни к яблокам,
Ни к лету.
Иду к тебе по вязкому песку
Путём деленья
Наших общих клеток.

Все пошатнулось,
Вышло из пазов,
Скользнуло
Торопливо

В щель заката
И замерло,
Как пара башмаков
У сломанного
Кофе-автомата.
Всё замерло.
Жара стоит стеной.
Сомкнулись тучи,
Закрывая выход.
Клубится пыль
По липкой мостовой
И поздний гром
Задерживает выдох.

Переведи меня на свой язык
Дрожащих в тусклых окнах отражений,
Отточий, скобок, скорбных удвоений,
Наполни дымом и сорвись на крик.
Переведи меня, как трафарет
На тонкий лист поспешных забываний,
Внеси в журнал случайных возгораний,
И пусть ножом по мне пройдет свет.
Переведи меня на берег лжи
По льду, покуда он еще не тает
Туда, где ветер облака листает.
Переведи и за руку держи.
Переведи меня в двоичный код,
Пусть будет он на этом дне замешан,
И длится, и во веки не пройдет,
Струясь между других, обычных, женщин.

Неоновые беглецы
Срываются с морозных окон.
Чу! За метелью конский топот,
И визг, и смех, и бубенцы.
Неоновые беглецы
В кольце холодных отражений,
Дрожа отбрасывают тени,
Суля счастливые концы.
Так от чего бегут они,
Зажмурив красный глаз и синий,
Бегут рождественской пустыней
Почти что звездные огни?
Бегут, не веря в этот бег,
Бегут, горя, забыв о цели.
И ждут их снежные постели

Из-под полуприкрытых век.

Если бы я всё могла,
То стояла бы в молчаньи,
Опустив на дно печали
Руки.
Если бы могла.
Если бы мой жадный взгляд
Не искал с тобою встречи,
Был бы выпит этот вечер
Залпом, прямо у стола.
Если б вправду голос мой
Жёг и был огнеопасен,
Ты бы говорил со мной
Не о берегу. О разном.
Только мало я могу —
Соглашаясь с неизбежным
Молча уходить в пургу,
Да твердить стихи прилежно.

Неверие – худшее из суеверий,
Поверь же в конец темноты!
В бредущие ощупью
Пальцы деревьев
По краю метели, где ты
Надломишь февраль
Испытующим взглядом,
И, сбросив чешуйчатый лёд,
Земля обернется
Ликующим садом,
И вытянут шеи вперёд
Ростки тонконогих
Зелёных вопросов
И шёлковых, ласковых трав.
Пройдём мы по саду
Смиренны и босы
С весенней виной на устах.

Посмотри на меня с той горы,
Стой спокойно, а то не увидишь.
В сизый ветер как в оттепель выйдешь
И пропустишь начало игры.
Всё поёт, я стою как дизель,

Заставляя тянуться всё выше
Звон весеннего ливня по крыше
И встающий на цыпочки лес.
Посмотри на меня! Посмотри!
Ты не смотришь.
И знаком отмены
Встанут в сумерках
Синие стены,
Нашей крепостью
Где-то внутри.
В эту крепость мне можно, туда
Всякий звук невозбранно приходит,
Будь то вешняя злая вода,
Или щебет в слепом хороводе,
Перед утром дрожанье ресниц,
Затаённое чье-то дыханье.
Ты – бекар, отменяющий птиц,
Ты даёшь основное звучанье.

На исповеди
Как камень
Ты сбросишь
Меня с души.
Прощаю
И разрешаю.
Ступай же
И не греши.
Щедротами
И благодатью
Наполнится
Твой сосуд.
А всё, что
Разбито —
К счастью.
Осколки
Потом
Сметут.
На исповеди
Как камень
Паду я,
Рыдая, ниц.
И епитрахиль
Крылами
Укроет
Огонь страниц.

* * *

Белёсый крюк тревоги
Тянет взгляд
К туманам
Нероклюнувшихся
Будней.
И чем они полней
И многотрудней,
Тем злее мысли
Вечеру мозжат.
Тем беспокойней
Давит горло ком,
Тем суше рот
И тяжелей дыханье.
Тревога тянет
За душу крюком,
Туманит взгляд
И топит упованья.
Но есть и на неё
Одна узда,
Которая смиряет
Безотказно
Дрожащие
Под ветром
Провода.
И гул мостов
Натужный,
Медно-красный,
Которая остудит
Жаркий лоб
Стеклом оконным
В мелких каплях
Пота.
Тревога всколыхнется
И пройдёт.
Начнётся духа
Светлая работа.

* * *

У меня ничего не болит.
Заморозкой в десну и под нёбо
Иней входит и тихо скрипит.
Иглы боли впиваются, чтобы
Затянулось, утихло, прошло,
Не ломило, не жгло и не ныло.
Мне весна милосердно промыла
Ран бескровных слепое стеко.
У меня заросла пустота

От скользящего скорого взгляда.
Почки вспухли, кудрявое стадо
Бродит по небу, ветки достав.
А на выселках неба туман
Льнет щекой к равновесию линий,
Укрывая от солнечных ливней
Перелетных надежд караван.

Деревья тянут пальцы в тень,
Обмакивая их в чернила.
Вот арка. На стене застыла
Венком из веток и идей.
Лучи бегут через неё
Себя как свет определяя.
А птичка-тень почти поёт
На берег вечности взбегая.
Всё по стене да по стене
Кирпич крылами так улестив,
Что стал он вверх
Массивом лестниц
Расти навстречу синеве.
Отвергнув охру, киноварь
И выбрав жженую сиену
Деревья тянут пальцы в стену
Крест на крест вычеркнув февраль.

Смягчая очертания судьбы
Струится воздух
По плечам и шеям
Снегов, выброшенных
На каменные лбы
Домов и улиц.
Как же мы сумеем
Вдохнуть и выдохнуть,
Пустить по проводам
Не ток! – не так! —
Единое дыханье,
Сквозь инеем обросший
Зимний мрак,
Горячий вскрик,
Рождающий сиянье?!
Смягчая очертания судьбы
Метель коснется
Терпеливой кистью
Рябин, окон,

Рыжеющей травы
И занесёт
Нечитанные письма.

Всё пошло, теряя равновесье,
Поскользнулось прямо у дверей.
Произносишь: «Вот я! Видишь! Весь я!»
И глядишь поверх скользящих дней.
Торопливых дней, неосторожных,
Рухнувших на темно-синий лёд,
Словно зазевавшийся прохожий,
Подвернувший ногу пешеход.
Всё пошло, теряя равновесье,
Поднимаясь, падая, скользя.
Вскринку: «Милый! Где ты?!»
– Вот я! Весь я
В самой сердцевине у тебя.

Синь на берёзовых ногах
Вступает в город осторожно.
Запутав ветки в проводах
Играет свой мотив не сложный.
«Живи! Живи! Живи! Живи!» —
Она чирикает по-птичьи.
Ей вторят радугой ручьи
И неосознанный обычай
Всего надеяться, любя,
Сорадуясь весне грядущей,
И всюду находить тебя,
Мой свет, по гребню дня бегущий.

Ясень рассеян.
На разум и радость
Разъяв
Редкие косы рассвета,
Робея, рассеял
Полные горсти
На рощу заявленных
Прав —
Рыжих семян
По линиям
Сугробам аллеи.
Полные горсти надежд

На прорыв и повтор,
Колкую щеточку
Храбро поднявшихся
Всходов.
Ясень бросает себя
Через чёрный забор
Медленной смерти
В живую весеннюю
Воду.

Звения победительным звоном
Тоскует немирная медь
О том, что в живуче-зеленый
Полей ей во век не одеть.
О нежном сиянии всходов,
О вечном движеньи зерна
В бетоне ночных переходов
Бесплодно тоскует она.
Песком оседающая в карманах
Досадно картуз тяжелит
Одним обещаьем, обманом.
Никто ей не рад и не сыт.
Но копится медная брага
У города под языком
До крайнего, пьяного шага
До злой перемены. Рывком!

По кипени метели запоздалой
Черкнув крылом водораздел прошел,
И нам вполне терпения достало —
Не дрогнул голос, не качнулся пол.
По полю, наугад, как по наитью
Бежали рощи серой полосой,
Стянув холмы прерывистой нитью,
Чуть наживив у края по косою.
И обещающая силу этим скрепам
Пасхальный звон легко поднялся ввысь,
Весь убеленный предпоследним снегом,
Веля душе: «Теперь возвеселись!»

Обласкав эту боль
Как обратную
Сторону марки,

Ощутив языком
Пересохшего
Клея следы,
Я вступаю под сень
Незатейливой арки
Из цветущей сирени
И юной, бурлящей воды.
Дождевая завеса
Кипучего, пенного мая
Скроет облаком брызг
Неразборчивость
Яростных строк,
И коснется щеки
На безмолвный призыв
Отвечая
Принесенный грозюю
Весенний, весёлый
Листок.

От дней, наполненных туманом
До соком солнца налитых

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.